

Алексей Александрович Бусс родился в 1973 году в городе Тахиаташ Каракалпакской АССР. Окончил филологический факультет Акмолинского университета. Автор шести поэтических сборников, антологии стихотворений и прозы «Просто», сборника рассказов «Никому не говори», романа «Великая мечта». Член Союза писателей России. Живет в Саратове.

Алексей Бусс

НЕЗДЕШНЯЯ ЭПОХА

СТОЯНИЕ НА УТРЕ

Тишина такая — прямо глохнешь,
По-над речкой стелется туман...
И таращит очи расторопша,
И, росюю пьяный, лег бурьян.

Замерли кувшинки, веки смежив,
Стрекоза передохнет в пути...
Реку эту в низкий летний межень
Путнику нетрудно перейти.

Это место славилось не плугом,
А мечом кочевника скорей...
И стращали венгром, огром, угром
По Европе маленьких детей.

Порубежье. Там литовцы где-то,
Там татары — тьма, но стой, не трусь!
Поугорье. Больше ига — нету!
От тебя об этом знает Русь.

Отмоли, Калуга и Таруса,
Отзвони, Алексин и Москва!
Богородица — она погладит русов
По вихрастым буйным головам...

Хан Ахмат, не лепо ли ны бяшеть
Нам о мире в этом октябре?
Ты пойми, что русский землепашец
Знает сам, что для него добрей.

Хватит вам, натешились почтенно,
Уходи в простор степных дорог!
Разве плохо: нукеров в кочевья
Возвратит живыми русский Бог!

Но порода волчья ненасытна:
Людоеду только плоть сладка...
Так и быть, но помни: мы просили
Подобру домой живым скакать...

Век от века к нам приходят гости
Лица злы, ряды — к плечу плечо.
Со своею камчой плетеной хлесткой,
Дразнят то мечом, то калачом...

Что ж вы все лезете, братушки?
Что вам проку во чужом дворе?
Так язык впервые русских пушек
Мир услышал на реке Угре.

Не поплыли вороги плотами,
Не было мостов наведено.
В реве пушек слышалось: «Полтава»,
Эхо пело там: «Бо-ро-ди-ноооо...»

От реки, от луга и от бора
Ветер дым в ладонях уносил...
Не его ль потом вдохнул Суворов,
Выступая в ночь на Измаил?

Нам степей ведь ваших век не надо,
Юртам мир! На кой несет вас хрен?!
Первый залп в защиту Сталинграда
Громыхнул, быть может, на Угре.

БАБУШКИН ВЗВОЗ

Это какая улица?

Осип Манделъштам

Ах, какая там бабушка? Разве что чертова,
в гололед здесь попробует к проруби выйти!
Эта улица старой холстиной развернута,
по обочинам — травы как рваные нити...

Ах, какая там улица? Грязь непролазная
по весне и по осени глиною рыжею,
но по грязи так славно прохлюпать в гимназию,
не жалея галоши. А летом вся выжжена,

теплой пылью залита, как кратеры лунные...
Босиком ты шагаешь с корявым удилицем,
малолетний попович, и молишь, чтоб клюнула
заповедная рыба, чья лесу рвет силища

и белесую пену бросает неистово!
Тут вода глубока, пароходы с расшивами
рассекают простор бесконечный и илистый.
И юродивый скалится — злой и завшивленный,

и соборы крестами щекочут беспечное,
голубое, линияемое, ветром помятое
небо — легким платком опустилось оплечь ему
твоему бесконечно родному Саратову.

Ах, оставьте вы, маменька! В вихри взвизывается
Рождество и по взвозу салазки без тормоза!
Дед Мороз по-над Волгою ухает палицей —
Вот какие морозы! А мы несерьезные —

Гимназисты — почти мушкетеры провинции,
где один — там и все, и не жалко нисколько нам
что от снега фуражка с околышем выцветет...
Эх, давай, разгоняй нас, попович-Николенька!

А в окошке напротив — кисейные завеси,
и она, уже верно, вернулась от тетушки
и смотрит то с восторгом, а может — и с завистью,
как мы мчимся по взвозу гурьбою хохочущей...

Не грустите, сударыня, судьбы российские
гимназистов уводят на плахи и каторги...
Но кому-то же надо сквозь камни протискивать
Справедливости лезвие — набело, надолго!

Но кому-то же надо, как в детстве на саночках,
в ненавистное врезаться — старое, рабское!
Как же хочется, боже мой, хочется, мамочка,
Чтоб свобода — без края, без горя, прекрасная!

А в речном-то песке дремлют кости бурлацкие,
Емельяна наследники примут по маленькой —
Млечный путь на Руси — Волга-матка кабацкая,
Где шарманкой гудят переходные калики.

Укажи им, попович, где зори народные,
Над степями встают, где ковыльные проседи,
Иже есть человеки, не смерды негодные,
Иже есть наш народ — помоги ему, Господи!

Он в оврагах в избенках столетья разменивал,
он холерную ярость по Волге расплескивал,

он империю строил, и вздутыми венами
тополя прорастали между березками...

Испокон старины его вили веревками,
отжимали бельем барынья и начальники,
и в войну лишь под царской казенной винтовкою
на свободу отпущен он пулей случайною...

Ах, какая там улица? Окна в наличниках
занавешены наглухо, праздник престольный здесь...
Но «что делать?» тут мелом истории вычерчено,
след впечатан в нее Чернышевского Коленьки.

* * *

А в закоулках пахнет травами —
Кружись, как в детстве, голова!
Они волшебным сказкам равные,
Те закоулки и трава.

Идешь по ним, как ни по городу,
Где миллион спешит машин,
А как на речку с милой смолodu
По тихим улочкам души.

Идешь, и солнце жарко пялится
Сквозь листья клена на тебя,
И не твоя плывет красавица
Среди восторженных ребят.

И не твои сейчас каникулы,
И вовсе нынче век другой,
Но лето радостными бликами
Зовет по-прежнему с собой...

По переулкам пахнет травами,
В садах малина у бабуль...
И лета радостные правила,
И начинается июль.

* * *

На одноэтажной на окраине
как-то раз в развалинах барака
мы ватагой пацанов отчаянной
дух переводили после драки.

Был чертополох колюч и яростен,
были мы острее чертополоха...
Эх, да не понять вам этой радости —
то была нездешняя эпоха...

Вросшее в бурьяны окаянные,
посреди дичающей малины
колесо смотрело деревянное
черным глазом втулки на руины.

Этот глаз сверлил и нас придиричиво,
будто понимая что-то главное,
вольное, душевное и личное,
вечное, как звезд орбиты плавные.

Спицы, что давно от суши треснули,
что вьюнка цветочками отмечены,
прошептали тихо: «Слиться вместе бы
хоть разок, разок еще,
а там хоть в печку-то!»

Обод звал дороги тело пыльное,
обод ждал полвека и дождался:
мы то колесо из плена вынули
за терпение его вознаграждая.

Солнце деревянное вращали мы
по дорогам к речке в день нечаянный,
было оно паче наших чайний
колесом буденновской тачанки.

Было оно, верили мы искренне,
колесницы частью Македонского
и повозок легиона римского,
а не старыми сухими досками.

Косогор травой изумрудною
над рекой вставал и левым берегом,
здесь мы колесу и дали вольную,
отпустили — пусть еще побегает.

Закружились спицы деревянные,
засвистели ветром, слившись в вечность,
и — с разбегу от свободы пьяное
колесо ворвалось в нашу речку.

Улеглось. Железа нет на ободке,
потому поплыло по течению.
Втулки глаз уставился в свободное
небо детства, что всегда — весеннее.

Далеко теперь тех мест имения,
Только не забыл о них недаром:
где-то все плывет по рекам времени
детства колесо — как круг сансары...

Дмитрию Ермакову

А для меня Россия — не леса.
А для меня Россия — степь и поле,
Где жаворонков вечных голоса
Рифмуют поле с потом, солью, волей.

А для меня Россия — горизонт
И редкий взмах крылатых перелесков.
Руин мехтока горестный разор,
С погоста ветер яростный и резкий.

Ты, дебрей Русь, прости меня, прости!
Твоих веков душой не ведал, что ли?
Твоих корней держаться хватит сил,
Но только степь привольная накормит.

Родней степного вовсе хлеба нет —
Того, что в поле взглядом не охватишь!
Ведь столько поражений и побед
В его вместилось светлый теплый мякиш...